

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 271.2(474)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-2-84-103

К историографии вопроса XIX – первой половины XX в. о христианизации народов Прибалтики и их отношениях с восточными и западными христианами в эпоху Средневековья

Дмитрий М. Абрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abramov_dmitriy@mail.ru*

Аннотация: На протяжении XIX и первой половины XX в. проблема отношений православных русских с коренными этносами Балтии, а затем с католиками Ордена Меченосцев и Ливонского Ордена обсуждались историками порой довольно остро. Процесс обращения в христианство ливов, латгалов, земгалов, куршей (предков латышей), эстов, их культурные, торговые, военные и дипломатические связи с окружающими народами и миссионерами с Запада и Востока, образование у этих народов государственности – вопросы, активно обсуждаемые в указанное время не только представителями исторической науки. Проблема стала актуальной для этнографов, археологов, географов, а также для представителей журналистики, пропаганды и политиков России (СССР) и ряда сопредельных государств. Принципы объективности и историзма, необходимые в трактовке указанных событий, предоставляют читателю и исследователю возможность глубже разобраться в истоках острых противоречий и сложности отношений между русскоязычными и титульными гражданами Эстонии, Латвии, Литвы, а также между Россией и государствами Балтии.

Анализ источников и литературы позволяет сделать вывод о том, что при всей сложности отношений в эпоху средневековья русские князья и церковная иерархия Северо-Востока (Владимиرو-Суздальской) земли придерживались здесь взвешенного и стабильного курса. В отличие от феодальной элиты Русского Северо-Запада и Русского Запада, Владимиро-Суздальские князья проводили в Балтии политику организации

© Абрамов Д.М., 2025

союзов новгородцев и псковичей с эстами, поддерживали эстов в борьбе против западных завоевателей. Далеко не чужды были им и мирные миссионерские начинания.

Ключевые слова: Историография, народы Балтии, православие, западнохристианский мир, культурная миссия Германии

Статья поступила в редакцию 3 марта 2024 г.;
принята к публикации 3 февраля 2025 г.

Для цитирования: *Абрамов Д.М.* К историографии вопроса XIX – первой половины XX в. о христианизации народов Прибалтики и их отношениях с восточными и западными христианами в эпоху Средневековья // *История и архивы.* 2025. Т. 7. № 2. С. 84–103. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-2-84-103

On the historiography
of the 19th – first half of the 20th century issue
pertaining to the Christianization of the Baltic peoples
and their relations with Eastern
and Western Christians in the Middle Ages

Dmitrii M. Abramov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, abramov_dmitriy@mail.ru*

Abstract. During the 19th and the first half of the 20th century, there were cases when the issue of the relations of the Orthodox Church believers, the Russians people, with the indigenous ethnic groups of the Baltics, and then with the Catholics of the Swordbrothers Order and the Livonian Order, was quite acutely discussed by historians. The process of conversion to Christianity of Livs, Latgalians, Zemgli, Curonians (Latvians' ancestors), Estonians, their cultural, commercial, military and diplomatic ties with the surrounding peoples and missionaries from the West and East, formation of national statehood among those peoples were the topics that were actively considered at the above time not only by the representatives of historical science. The issue turned out to be relevant for ethnographers, archaeologists, geographers, as well as for the representatives of journalism, propaganda and the politicians of Russia (USSR) and of a number of neighboring states. The principles of objectivity and historicism, which are necessary in the interpretation of those events, provide the reader and researcher with an opportunity to understand more deeply the origins of acute contradictions and the complexity of the relations between the Russian-speaking and the titular citizens of Estonia, Latvia, Lithuania, as well as between Russia and the Baltic states.

The analysis of the sources and reference material allows us to conclude that despite the complexity of the relations in the Middle Ages, the Russian princes and the Church hierarchy of the North-East (Vladimir-Suzdal) land adhered to a balanced and stable course. The Russian Vladimir-Suzdal princes, unlike the feudal elite of the Russian North-West and Russian West regions, pursued a policy of forming alliances of the Novgorodians and Pskovians with the Estonians and supported Estonians in the fight against the Western conquerors. Peaceful missionary endeavors were far from alien to them.

Keywords: historiography, Baltic peoples, Orthodoxy, Western Christian world, cultural mission of Germany

The article was submitted for publication 03.03.2024;

accepted for publication 03.02.2025.

For citation: Abramov, D.M. (2025), “On the historiography of the 19th – first half of the 20th century issue pertaining to the Christianization of the Baltic peoples and their relations with Eastern and Western Christians in the Middle Ages”, *History and Archives*. 2025, vol. 7, no. 2, pp. 84–103, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-2-84-103

Введение

Главным итогом череды ожесточенных, кровопролитных войн 1200–1227 гг. за Северо-Восточную Балтию: Ливонию, Латгалию и Эстонию – стал захват западными христианами (крестоносцами) этих земель. Последними из захваченных западными завоевателями стали город Дерпт (в русском варианте Юрьев) и Моонзундские острова в Рижском заливе. Ливы, латгалы, земгалы, курши, эсты на многие века утратили возможность создать государственность во главе с собственной этнической, феодальной элитой. Для Русских земель и княжеств это означало, что на своих северо-западных границах они потеряли перспективу иметь дружественные государства – посредников или союзников в системе отношений с западными католическими государствами, зачастую проводившими экспансивную политику в отношении восточных православных соседей. Еще одним итогом событий стало рождение прогерманского, западнохристианского мира в Северной и Северо-Восточной Балтии, воплотившегося в системе образования, становления и укрепления военно-теократического, крестоносного государства, именуемого ныне Орденом Меченосцев.

Основная часть

Здесь уместно возвратиться к историографии проблемы и подробнее рассказать о полемике, развернувшейся в конце XIX – начале XX в. среди отечественных историков. В спор тогда вступили наиболее маститые исследователи проблемы. С одной стороны, это был представитель остзейского дворянства и интеллигенции Фридрих фон Кейслер, с другой – известный российский историк, краевед и археолог Алексей Парфенович Сапунов. Первое издание работы «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии» фон Кейслер завершил словами: «Не столько превосходству в военном искусстве над русскими. Не столько самой храбрости, сколько целесообразно направленной и упорной энергии, которую питало религиозное одушевление крестоносных воинов, обязаны немцы тем, что им удалось устранить русское влияние из теперешняго балтийского края. И тогда под немецким владычеством суждено было коренным обитателям этого края не только обратиться в христианство – правда на первых порах большею частию путем принуждения – но и перейти в упорядоченный, государственный формы быта, которая прежде всего положила конец царившей в крае безпрерывной войне, обезопасили их жизнь и обеспечили собственность, впоследствии же сделали возможным их культурное перевоспитание в духе христианства. Русским были чужды такого рода культурныя стремления (здесь курсив мой. – Д. А.); они не думали о том, чтобы обеспечить по крайней мере свое господство введением христианства: это обстоятельство и имело роковыя последствия для их власти. Совершенно *разрозненныя*, так сказать, случайныя попытки крестить туземцев, вызванныя чисто внешними побуждениями в Толове и Унгаунии, не имели дальнейших последствий»¹.

За это серьезное и своевременное сочинение фон Кейслер был удостоен премии императорской Академии наук и графа Уварова. Но заключение исследователя вызвало законное раздражение русского историка А. Сапунова, который писал: «Едва ли немцам следует особенно кичиться (!) этой <цивилизаторской> деятельностью: если они и достигли кое-каких результатов в этом отношении, то нельзя не обратить внимания на то, какую ценою достигнуто все это»².

---

¹ Кейслер Ф., фон. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900. С. 74.

² Сапунов А. Памятники времен древнейших и новейших в Витебской губернии. Витебск. 1903. С. 9.

Фон Кейслер не смолчал, ибо в Российской империи у каждого малого народа было большое право говорить и публиковать все, что считалось правдой. Потому фон Кейслер в следующей публикации разразился ответной речью, имевшей серьезный полемический контекст, который хотелось бы привести как можно полнее: «Всякий не предубежденный читатель согласится, что в моем заключительном замечании нет вовсе речи о праве немцев “кичиться” их цивилизаторскими успехами. Было, конечно, вполне уместно с моей стороны указать вкратце на то, что только немцами было водворено повсеместно в крае христианство и ими же заведен впервые государственный порядок, имевший благодетельные последствия для края, – было уместно, повторяю, сказать все это, после того, как я занимался исследованием тех условий, которые помогли немцам в их многолетней борьбе с русскими за прибалтийский край и привели к победе их над русскими, а также тех обстоятельств, которые делают понятными неудачи последних.

При таком ходе мысли следовало ли действительно непременно остановиться дольше на той доле зла, которую должен был принести с собою процесс обращения в христианство “главным образом мерами насилия”, как я сам на то указываю. И суровость немцев к туземным жителям? Г. Сапунов излагает это с большою подробностью, черпая цитаты из Руссова, Соловьева, Иловайского, Ритиха, Карамзина и стихотворной хроники. Не вхожу в рассмотрение того, насколько г. Сапунов близок к истине в том или другом случае. – Вызывает возражения рецензента и та моя мысль, что “русским были чужды такого рода культурные стремления <т. е. те, которые имелись у немцев>”. Он приводит цитаты из статьи слависта П. Прейса; но обе они имеют отношение не к туземцам прибалтийского края, а к литовцам; потому я и не имею надобности на них останавливаться. Прямо к туземцам прибалтийского края относятся однако цитата из книги Трусмана “Введение христианства в Лифляндию” (с. 171–177) и цитата из моей статьи в “St.-Petersburger Zeitung” 1896 и “Sitzungsberichten” и пр... (на эту статью указал г. Сапунову, уже после того как его рецензия была написана, академик Куник); замечу также, что указанный в конце рецензии доклад И. Крюгера и статья А. Кочубинского уже были приняты мною в соображение в моей небольшой работе, о которой я уже упоминал раньше... Что же касается, наконец, Трусмана – я уже показал на с. 361, что его мнение, повторяемое г. Сапуновым, – будто русские до появления немцев жили уже в Лифляндии “цельми деревнями”, – несостоятельно. Нисколько не колеблет моих подробно обоснованных выводов здесь и в предыдущей работе – цитата, которую Трусман приводит из статьи W. von Gutzeit’a, “Die griechisch-catholischen Kirchen Rigas” ...пазве

только сравнительно лингвистическая его соображения заслуживали бы, пожалуй, внимания. Не будучи специалистом в этой области, могу отнести к ним критически на основании моего знания языков немецкого, латышского и латинского и, по моему мнению, многие из приводимых Трусманом латышских слов, которые якобы заимствованы из русского, могут быть объяснены, пожалуй, и иначе, некоторые же прямо не могли быть взяты из русского языка. Во всяком случае, приводимые Трусманом лингвистические сближения нуждаются в новой тщательной проверке с точки зрения науки о языке. Но пусть даже заимствования были: так латышские названия для понятий “церкви” и “греха” и др. – русского происхождения; так, между прочим, счет дней недели в латышском и эстонском языках ведется так, как в восточной, а не так как в западной церкви, что видно из самых названий... *но что же все это доказывает? Только то, что русские христиане, в продолжении нескольких столетий живя в соседстве с туземцами прибалтийского края, имели на них еще до прихода немецких миссионеров некоторое культурное влияние. Русские стояли выше их и как христиане и притом единственные христиане, с которыми балтийские туземцы приходили тогда в соприкосновение, и также в культурном отношении – своим политическим и экономическим устройством; ...мало этого: русские были не только близкими соседями латышей и эстов, и частью их господами, но в области латышей по Двине, как теперь можно утверждать с уверенностью... существовало в течении не одного столетия по крайней мере одно удельное русское княжество – Герцике, а может быть, также и другое – Куконос; относительно Герцике Генрих Летляндский свидетельствует положительно (XIII, 4), что там были “церкви”; то же самое мы имеем основание принять и относительно Куконоса.*

Это обстоятельство должно было, прежде всего, влиять на религиозные понятия латышей, что и сказалось напр. в заимствовании ими у русских числения дней недели, которое имеет, вообще важное экономическое значение. Но *нет возможности доказать, что русские имели здесь сознательные “культурные стремления”* или, в данном случае, *серьезно проводимую миссионерскую деятельность* среди туземцев прибалтийского края, – этого нельзя доказать ни на основании исторических источников, – если, повторяю, не считать “разрозненные и так, сказать случайные попытки крестить туземцев, вызванные чисто внешними побуждениями, – в Толове и Унгаунии”, которые так и остались попытками, – ни при помощи лингвистических сближений, о которых шла речь: эти последние, конечно, недостаточны для такой цели»³.

³ Кейслер Ф., фон. Указ. соч. С. 128–130.

Развернувшаяся полемика стала достоянием читателей в 1900 г. Историческая проблема вышла тогда на уровень внутренней политики. События последнего двадцатилетия XIX – начала XX в. вызвали новую волну обсуждения означенной проблемы. На исходе первого десятилетия XX в. в воздухе Европы запахло порохом. Это был пролог Первой мировой войны. Рассматриваемая проблема стала обостренно обсуждаться, причем среди самих российских историков. Диалог все более приобретал не научно-историческую, а характерную для того времени геополитическую и этнокультурную окраску.

Разработка вопросов истории русско-ливонских отношений хронологически далеко перешагнула рубеж XIII в., ибо в первые десятилетия XX столетия германские и остзейские историки, вплотную обратились и к изучению не менее важной эпохи конца XIV – начала XVI в. Для России это было время ликвидации феодальной раздробленности и создания централизованного Великорусского государства со столицей в Москве. Тогда самостоятельность Новгородской и Псковской республик была ликвидирована, и они вошли в состав единой государственной системы России. Это естественным образом повлияло и на русско-ливонские отношения. В связи с этим в германской и остзейской историографии широко распространился тезис о «русской угрозе», нависшей над Ливонией с конца XV в. В научной литературе тема об отношениях России и Балтии стала приобретать все более выраженную политическую окраску. Миссионерской роли Великой Германии были посвящены труды видных публицистов, ученых и общественных деятелей начала XX в. – Эрнста Ревентлова, Пауля Рорбаха, Теодора Шимана, Отто Хётча, Адольфа Штёкера, Фридриха Наумана. Уже в 1911 г. в Германии вышла книга Отто Таненберга «Grossdeutschland» [Цимбаев 2015]. Ее изданием было положено начало обширной, особенно в военные годы, политической литературе, посвященной исторической и культурной миссии Германии в Восточной Европе (здесь курсив мой. – Д. А.). Предельно яркое выражение тезис о «русской угрозе» получил в работе остзейского историка Р. Кентмана⁴.

Несомненно, во второй половине XIX в., в канун Первой мировой войны, остзейские и германские исследователи приложили немало усилий, чтобы воспитать национальную интеллигенцию и содействовать пробуждению идентичного этнического и политического самосознания латышского и эстонского народов.

---

⁴ *Kentmann R.* Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik: 1494–1514. Reval, 1913. S. 5–30.

Из историко-культурологической проблема окончательно переродилась в военно-политическую в период 1914–1921 гг. Историки уступили место политикам и военным. Наболевшие вопросы стали решаться уже не в ходе дискуссий в научных изданиях, университетских и академических аудиториях, а на полях сражений языком пушек и пулеметов. Успехи германского оружия в 1917 г., удачные Рижская и Моонзундская наступательные операции усилили волну прогерманских настроений и акцентировали политические интересы немцев в Балтии.

Одним из фундаментальных германских политических изданий того периода стало «Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas», вышедшее под редакцией М. Зеринга в 1917 г., где высказывалась идея отторжения Литвы, Лифляндии и Эстляндии от России, создания «*срединной Европы*» под эгидой Германии⁵. И уже в следующем 1918 г., германские политики и военачальники получили возможность реализовать свои идеи на практике, осуществляя оккупацию Прибалтики, Белоруссии, Украины и юга России. Всем известно, чем окончилась германская оккупация 1918 г.

* * *

Сразу после завершения Гражданской войны в России и в канун Второй мировой вновь возникли попытки не только политического, но и исторического осмысления темы внешних связей балтов, их приобщении к христианству, отношений балтов с русскими и выходцами из других стран в судьбоносном XIII столетии. И тогда авторами научных исторических исследований, посвященных эпохе средневековья, стали выступать не столько немцы или россияне, но и сами этнические балты.

В 1920–1930-е гг. латвийские и эстонские авторы внесли большую роль в разработку проблемы, что объяснялось уже не столько политическими запросами, сколько потребностью национальной интеллигенции предоставить своим народам реальную историческую основу и перспективу независимой государственности. Но об этих исследованиях, опубликованных на немецком или национальных языках, как советскому, так и современному российскому читателю известно мало. А если и известно, то в основном, из русскоязычной историографии, написанной балтийскими авторами советского времени, одним из которых является Э.С. Мугуревич. Вопросы культурных, экономических и политических отношений балтов с соседними народами в X–XIII вв. освещались в исследованиях В. Гинтера, Э. Штурмса, Р. Шноре, А Карнупа, П. Абулса,

---

⁵ *Sering M. Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas, mit einer Einleitung. Leipzig: B.G. Teubner, 1917. 348 с.*

Э. Брастыня, Эд. Стамса, Ф. Балодиса и ряда других. *Очерчивая круг интересов и проблем, затронутых этими авторами*, отметим, что В. Гинтер и Э. Штурмс [Мугуревич 1965, гл. 3] использовали в своих исследованиях данные археологии, активно развивавшейся в те годы в странах Балтии (особенно в Латвии). А. Карнуп работал над вопросами исторической географии и геополитики⁶. Исследователи П. Абулс, Э. Брастынь идентифицировали данные средневековых письменных источников с материалами археологии [Мугуревич 1965, гл. 2].

Видный латышский историк Ф. Балодис занимался вопросами торговых и культурных связей. Он начал писать и публиковаться в России еще накануне Первой мировой войны, но тогда его работы были малоизвестны⁷. Он придерживался установок русских дворянско-буржуазных историков, признавая влияние Руси и русских на средневековых предков латышского народа. После эмиграции и отъезда на Запад в 1924 г. его взгляды претерпели резкие изменения. С этого времени он выступал как националист, неоднократно повторяя, что латышские народности (ливы, латгалы, земгалы, курши) постоянно находились во враждебных отношениях со своими восточными соседями, свидетельством чего является цепь городищ в Латгалии, обращенных на восток. Он доказывал, что латышские племена с древнейших времен были ориентированы на Запад, прослеживал основные направления, по которым осуществлялась связь Скандинавии с Востоком. Все явления освещались им односторонне, с позиций активного норманиста. Везде подмечалось только проявление влияния Запада, связи же в восточном направлении освещались в нескольких строках. Эти работы чаще издавались на немецком языке⁸. Однако, несмотря на вполне понятную для того времени тенденциозность, приуменьшать значение исследований Балодиса нельзя. Как отмечал в первой главе книги «Восточная Латвия и соседние земли X–XIII вв.» видный латвийский советский историк Э. Мугуревич, в публикации 1939 года о международных связях латышских племен с начала II тысячелетия н. э., Баллодис использовал значительный археологический материал и данные исторической географии, определяя

---

⁶ *Karnups A.* Die Haupttypen der lettischen Halsringe in der jüngeren Eisenzeit // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Tartu. 1928. S. 110–120.

⁷ *Баллод Ф.* Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII ст. // Записки Московского археологического института. Т. 8. М., 1910.

⁸ *Balodis Fr.* Ein Denkmal der Wikingerzeit aus Semgallen, Lettland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1934. Vol. 9.

древнейшие водные, сухопутные пути и центры внешней торговли на территории Латвии [Мугуревич 1965, гл. 1]. Вопросы военного противостояния, военного и военно-оборонительного искусства в определенной мере освещались в работах К. Левиза-оф-Менара, известных уже после Первой мировой войны⁹. Тема христианизации Балтии в Средневековье, вопросы историко-этнографические и лингвистические, этнокультурных отношений освещались такими авторами, как: М. Скуженикс (1927), М. Степерманис (1929), Б. Брезго (1931), А. Спекке (1933, 1935), Б. Виперс (1937) и многими другими [Мугуревич 1965, с. 134–137]¹⁰. Здесь затрагивались и поднимались отдельные аспекты отношений балтов с соседними народами, выходцами из Западной Европы. В 1920–1930 гг. продолжалась публикация исторических источников: документов протоколов и актов ливонских сословных собраний, начатых еще в 1907 г.¹¹

Велись серьезные исследования средневековой эпохи, в том числе археологические изыскания, и в Эстонии. В области средневековой археологии специализировался исследователь А. Таллгрэн¹². Не пропал интерес эстонских исследователей к изучению средневековых источников, хроник. Здесь можно выделить работы Г. Лаакмана. Среди самых значимых можно определить его исследование «К истории Генриха Латвийского и его времени», в котором были сформулированы новые взгляды на многие вопросы этнической истории, культуры и исторической географии¹³. В результате тщательного исследования средневековых источников Г. Лаакман отбросил ряд устаревших тезисов исследователя А. Билленштейна или внес в них исправления. На основании данных исторической географии Г. Лаакман в работе «Эстония и Ливония в раннеисторический период», опубликованной в 1939 г. на немецком языке, дал краткий обзор древних путей сообщения конца XII – начала XIII в.

---

⁹ *Löwis of Menar K.* Livländische Gutskarten aus schwedischer Zeit // Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga: G. Löffler, 1909, S. 80–114.

¹⁰ См. также: По Латгалии. М.: Искусство, 1988. С. 162–166.

¹¹ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Hrsg. von O. Stavenhagen. Riga: Deubner, 1907. Bd. 1. Lfg. 3: Jonck & Poliewsky. (История – Россия – Прибалтика – Период феодализма [IX в. – 60-е гг. XIX в.] – Документальные источники)

¹² *Tallgren A.M.* Zur Archäologie Eestis. 2. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat: Mattiesen, 1925. 65 S.

¹³ *Laakman H.* Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Beiträge zur Kunde Esnlands. 1933. Vol. 18. No. 2.

на территории Латвии и Эстонии¹⁴. Эстонский историк Х. Моора издал книгу «Эстония в древности», где также освещал отношения эстов с русскими в Средневековье¹⁵.

Менее всего известна научная литература литовских исследователей довоенного времени, что объясняется незнанием русскоязычными читателями литовского языка и отсутствием в Литве традиции публиковать научные работы на немецком языке. Однако, благодаря библиографическим отсылкам можно сказать, что по близким к основной теме вопросам публиковали работы V. Nagevicius (1935), J. Puzinas (1938) и другие.

Не переставали обращаться к проблеме в контексте отношений западноевропейских стран с Русскими землями германские историки. В 1922 г. вышла работа Л. Гетца, посвященная немецко-русским торговым связям в Средневековье¹⁶. Эта тема была актуальна, поскольку 22 апреля 1922 г. Германия и Советская Россия заключили в Рапалло близ Генуи взаимовыгодный договор о восстановлении дипломатических отношений и широких экономических контактов. Еще одним из фундаментальных германских исследований тех лет стал труд М.А. Таубе, вышедший в 1927 г.¹⁷ К сожалению, в этом исследовании автор затронул только самый начальный этап обострения межэтнических отношений в Балтии.

Ряд работ того времени, затрагивающих проблему и дающих более полное представления об экономических и культурных связях Балтии в Средневековье, публиковался и в других странах Европы. Отметим труды Т. Арне, Б. Нермана, Л. Нидерле. Работы виднейших шведских археологов и исследователей Туре Арне¹⁸ и Биргера Нермана¹⁹ в значительной степени были посвящены связям Балтии и Скандинавии. Ценные сведения о связях балтов

¹⁴ *Laakman H.* Estland und Livland in fruhgeschichtlicher Zeit // Baltische Lande. [Б.м.:Б. и.] 1939. Bd. 1. S. 204–262.

¹⁵ *Moora H.A.* Die Vorzeit Estlands. Tarty: Akadeemiline Kooperatiiv, 1932. 90 S.

¹⁶ *Gotz K.L.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lubeck, 1922. 572 S.

¹⁷ *Taubе M.A.* Рим и Русь в домонгольский период (X–XIII вв.) // Ex Orient / ред. Л. Берг. Майнц: Matthias Grunervald Verlag, 1927. С. 163–195.

¹⁸ *Arne N.L.* La Suede et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'age des Vikings. Upsal: K. W. Appelberg, 1914. 240 с. (Archives d'études orientales; т. 8)

¹⁹ *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jungeren Eisenzeit. Stockholm: Pa Akad. forl., 1929. 183 S.

со славянами содержит исследование чешского исследователя Любора Нидерле²⁰.

Напомним, что многие представители первого поколения советской исторической науки – М.Н. Покровский и историки его школы, А.Е. Пресняков и др. попытались пересмотреть и переписать отечественную историю, трактуя ее в стиле вульгарного марксизма. Однако в начале 1930-х гг. перегибы школы Покровского в исторической науке были преодолены. Несмотря на трудности военного времени и сложность экономического и политического положения России и СССР, продолжалось издание древнерусских источников. С 1915 по 1929 г. в городе на Неве были опубликованы 3 выпуска Новгородской 4-й летописи²¹.

С приходом к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистов, проблема границ европейских государств вновь стала активно пересматриваться, особенно после 1938 г. Нацистское руководство настойчиво обращало свои взоры на Восток, заявляя о необходимости расширения здесь своих прав и территорий. Балтия же была в эпицентре этих интересов. Накануне Великой Отечественной войны вышло довольно политизированное исследование И.П. Шаскольского²². Важной вехой в разработке проблемы, истории ее изучения стала публикация в новом переводе важнейшего исторического источника первой трети XIII в. «Хроники Ливонии» немецкого хрониста Генриха Латвийского. Перевод «Хроники» с латыни был осуществлен С.А. Аннинским к 1938 г. Работа сопровождалась подробными комментариями и предисловием, стала важнейшим достоянием отечественной не только исторической науки, но внесла свою лепту в дело советской политики и пропаганды. В двух изданиях переведенной на русский язык «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского²³, осуществленных в 1938 – первой половине 1939 г., советский историк В.А. Быстрянский в предисловии кратко определял германскую позицию. «Вопрос о колонизации Прибалтики германским империализмом был поставлен еще при Вильгельме II в книге Отто Таненберга “Grossdeutschland” (“Великая Германия”. – Д. А.), вышедшей в 1911 г. и положившей начало довольно обширной, особенно в военные годы (Первой мировой войны. – Д. А.), литературе о так называемой неймановской концепции “срединной Европы”...

²⁰ Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Прага, 1924. 285 с.

²¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915; Вып. 2, Л., 1925; Вып. 3. Л., 1929.

²² Шаскольский И.П. Борьба русского народа за невские берега. М.: Воениздат, 1940. 48 с.

²³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. 2-е изд. М., 1938.

Очень ярко идея колонизаторской роли германского империализма в Прибалтике выражена в книгах Гитлера (“Mein Kampf”) и Розенберга», – писал Быстрянский. Как видим, тогда вновь была поднята на щит идея «срединной Европы» во главе с Германским III Рейхом. В 1930-е годы и особенно активно пропагандировал профессор Кенигсбергского университета Фридрих Лезиус. Вот потому (вероятно, до августа 1939 г.) «Хроника Ливонии» и была переиздана²⁴.

По окончании Первой мировой войны, распада Российской империи, а затем и СССР народы Балтии создали свою государственность. События последнего десятилетия XX – первых двадцати лет XXI в. вызвали новую волну обсуждения означенной проблемы. Полемические высказывания историков и политиков по этому поводу не прекратились, следовательно, проблема осталась нерешенной.

* * *

Сложность взаимоотношений между западным и восточным христианскими мирами нарастала с каждым столетием уже с эпохи раннего Средневековья. Еще более она обострилась в эпоху первых трех крестовых походов (конца XI–XII вв.). Об этом свидетельствуют как иностранные, так и русские источники [Абрамов 2007] той эпохи. По вполне понятным причинам профессиональный историк с восторгом и пиететом воздает хвалу историческим источникам и очевидцам, запечатлевшим свидетельства по истории Балтии конца XII – первой половины XIII в., которые сохраняются до наших дней. В этом плане особенно интересно исследование дореволюционного отечественного автора Ив. Юргенса «Древнейшая Ливонская Хроника»²⁵. Целью данного исследования было стремление выяснить все, что связано с личностью хрониста Генриха Латвийского. Юргенс владел латынью и читал «Хронику» без перевода.

«Принято считать, что Ливонская хроника представляет собою простодушное, безхитрое изображение событий, сделанное лицом, “непосвященным в тайны закулисной политики высших властей страны и не имеющим достаточно возможности или способности проникать во внутреннюю связь совершающихся пред его глазами событий”. (Такого автора Грубер полтора года тому назад усмотрел в лице летскаго <латышского> священника при Имерской

---

²⁴ Там же. С. II–III.

²⁵ *Юргенс Ив.* Древнейшая Ливонская хроника. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904.

церкви, Генриха²⁶; мнение это было позднее принято и обосновано Ханзеном²⁷ и Гильдебрандом²⁸), и в настоящее время оно установилось совершенно прочно. Но Грубер и его последователи не напали ли на ложный след?», – задался вопросом Юргенс.

Отметим, что работы Грубера, Ханзена и Гильдебранда были написаны на латыни и потому были мало доступны широкому кругу, что свидетельствовало о высоком научном статусе исследования Юргенса.

Но далее – в ходе изложения материала этот автор очень убедительно доказал, что хронист Генрих Латвийский достаточно объективный, внимательный, интересный писатель и человек. Правда, «...к не немцам (*Undeutsche*) и к врагам автор (Генрих. – Д. А.) относится с понятной ненавистью; но это не мешает ему отозваться с похвалой и об их добрых качествах. Кажется, только к ливам автор питает сильную антипатию, но эстов часто хвалит за их храбрость, трудолюбие, отмечает их благосостояние, прекрасно возделанные поля, многолюдные деревни и т. д.», – писал исследователь.

Юргенс отмечал, что Генрих – «личность талантливая». По своему происхождению хронист Генрих – немец, «по крайней мере, он дважды причисляет себя к немцам, в отличие от ливов и леттов». Его пребывание в Ливонии началось со службы в священническом сане в качестве настоятеля Имерского храма в 1207–1208 гг. Именно он построил храм в Имере, а затем получил его в ленное владение от епископа Рижского. За эти годы Генрих изучил латгальский и ливский языки. В 1212 г. он был привлечен в епархиальную комиссию, разбиравшую споры местного населения с Орденом. Вероятно, тогда начали проявляться первые противоречия между гвельфами и гиббеллинами в Ливонии. Работая в комиссии, Генрих сблизился с епископом Раценбургским Филиппом (третейским судьей, разбиравшим жалобы леттов на венденских братьев Ордена) и стал его переводчиком и другом. Это позволило авве Генриху соприкоснуться с политикой и военными делами. Как видим, хронист изначально сочувствовал, а возможно, и принадлежал к партии гвельфов. Где закончилась карьера хрониста, неизвестно. Но сопоставление отдельных фактов проливает свет на его кончину. «Кто бы не был автор,

---

²⁶ *Gruber J.D. Origines Livoniae sacrae et civiles, seu chronicon vetus. Francofurti; Lipsiae, 1740.* Примеч. авт.

²⁷ *Scriptores rerum livonicarum. Sammlung der wichtigsten chroniken und geschichtsdenkmale von Liv-, Ehstund Kurland; in genauem wiederabdrucke der besten, bereits gedruckten. Riga, Leipzig, E. Frantzen's Verlag-comptoir, 1853.*

²⁸ *Hildebrand H. Die Chronik Heinrichs von Lettland. Druck von C. Mattiesen, 1867.*

но, несомненно, это человек близкий к власти, все знавший, всех слышавший, живший в Риге, или в *Дюнамундском монастыре*, или даже во Фределанде, на берегу реки Койвы. Тем важнее и достовернее написанная им история, но тем пристрастнее освещение изложенных им фактов», – писал Юргенс²⁹.

Если верить приведенному исследованию относительно последнего периода жизни аввы Генриха в Дюнамундском монастыре, то очень возможно, что хронист погиб в 1228 г. при взятии монастыря восставшими куронами и семигалами. «В лето Господне, в пятницу, 18 августа, куроны и семигалы овладели замком Динаминдом, и монахи были безчеловечно умерщвлены различным образом», – писал хронист Герман Вартберг об этих событиях³⁰. Если конец аввы Генриха был действительно таковым, то он закончил свой жизненный путь, как заканчивали его ранние христиане Вселенской Церкви. В этом контексте вполне уместно расставить некие этические и философские акценты.

Во-первых, если говорить о проповеди христианства, миссионерстве и крещении, то ортодоксальные христиане еще в самый ранний период своей истории (I – начала IV в.) усвоили, что проповедь Христа далеко небезопасное и ответственное дело, за него можно угодить на распятие, закончить жизнь в муках на Кресте, быть разорванным в Колизее львами, или даже просто лишиться головы под ударом меча [Абрамов 2004, с. 197–199]. Во-вторых, ни один народ силой обратить в христианство невозможно, следствием будет протест. Потому большинство латышей и эстонцев ныне – протестанты, хотя есть немного православных. Католиков же в Латвии немного, и те приняли католичество от литовцев уже в Новое время. Литовцы же приняли католичество почти добровольно, но не в XIII, а в XV и даже в XVI в., и не от немцев, а от поляков. В-третьих, сам Основатель Христианской Церкви, его ученики-апостолы, христиане первых веков по Р. Х., как известно, отдали жизнь за людей, а не отбирали жизни у других во имя светлой правды, цивилизованного будущего и «сознательных культурных стремлений» [Абрамов 2005, с. 490–495]. В-четвертых, цена миссионерства и насильственного обращения в латинство в XIII в. – сотни тысяч загубленных жизней и судеб: ливов, латгалов, земгалов, куршей, зелонов, вендов, литовцев, эстов, пруссов, русских, немцев, датчан и прочих. В этом аспекте явно сказывалась иная – глобальные проблемы (этническая и культурная) – противостояние Западной романо-германской

²⁹ Юргенс Ив. Указ. соч. С. 1, 14–17.

³⁰ Вартберг Г. Ливонская хроника (Die livlandische Chronik Hermann's von Wartberge): Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края: [В 4 т.]. Т. 2. Рига, 1879. XXVI, 592, [II] с.

Европы (германцев с народами, тяготевшими к их культуре и мировоззрению) и Евразии (русских с их соседями в Восточной и в Юго-Восточной Европе). Так уже с начала XIII в. взаимоотношения между западным и восточным христианскими мирами переросли в жесткое военное противостояние [Абрамов 2021a].

Отметим, что представители династии «Большого Гнезда» – князья Русского Северо-Востока – в первой половине XIII в. придерживались активного политического курса в землях Балтии, ибо зачастую получали в свои руки княжеский стол в Новгороде. В отличие от представителей феодальной и церковной элиты Русского Северо-Запада, Западного, Центрального, и Юго-Восточного регионов: Новгородской, Псковской, Смоленской, Полоцкой, Черниговской земель, которые вели себя или пассивно, или придерживались военно-колониальных мер, а порой занимались военным разбоем и грабежом в Чудской земле (примерами здесь являются: Полоцкий князь Владимир, Торопецкий князь Мстислав Удалой, Псковский князь Владимир, князь Михаил Черниговский и др.) [Абрамов 2010]. Князья Северо-Восточной территории (Владими́ро-Суздальской земли) проводили в Балтии политику организации союзов новгородцев с эстами, поддержки эстов в борьбе против западных завоевателей. Далеко не чужды были им и мирные миссионерские начинания.

В условиях жесткого политического противостояния в Восточной Европе первой половины XIII в. князья Северо-Восточных русских земель отчетливо сознавали, какую политику проводить в отношении со столь же бескомпромиссными представителями западнохристианской конфессии и язычниками. В тот период шведские миссионеры предприняли активное крещение народов «суоми»³¹ и «еми»³² по латинскому обряду. Это вызвало усиление экспансии «еми» на земли племени «корёлы»³³ – данника Новго-

---

³¹ Сумь – упоминаемое в русских летописях название прибалтийско-финского племени суоми, заселившего в начале I тыс. н. э. юго-западное побережье современной Финляндии. С покорения в середине XII в. суми началось завоевание Финляндии шведами. В последующем сумь вместе с емью и западными карельскими племенами образовала финский этнос. До принятия шведского названия финны в русском языке отсутствовало единое наименование для этноса этого региона.

³² Емь – прибалтийско-финское племя, обитавшее во внутренних районах южной Финляндии. Упоминается в XIII в. в Новгородской Первой летописи.

³³ Корёлы (карелы или карела) – древнее племя, жившее в Средневековье главным образом на Карельском перешейке и в Северном Приладжье.

рода Великого. Новгородские летописи кратко сообщают о том, что в 1227 г. Новгородский князь Ярослав Всеволодович (еще удельный князь Переславля-Залесского): «Ходи... с Новгородци на Емь и повоева их». Но Лаврентьевская летопись более подробно описывает это событие. Оказывается, князь Ярослав вместе со своим полком и полками новгородцев «ходи из Новагорода за море на Емь». Причем, отмечается, что ни один из русских князей не бывал там никогда. Слова «ходи за море», означают, вероятнее всего, что поход был морской, т. е. новгородская флотилия с войсками прошла по Волхову в Ладожское озеро, затем вышла в Неву, следом двинулась северным берегом Финского залива. Не исключено, что к русским полкам на Неве, перед выходом в Финский залив, присоединились и отряды *корелы*. Высадившись на побережье Финляндии, новгородцы и их союзники «пленили землю еми». Полон был столь велик, что русские войска не могли целиком довести его до Новгорода. Те из «еми», кто оказал сопротивление, были перебиты, а иных множество было отпущено восвосяи. Из дальнейшего становится ясно, что после этого похода без всякого сопротивления началось успешное крещение «корелы» по православному обряду. Видимо, поход русских в Восточную Финляндию был осуществлен по ранее установленному договору с «корелой», ибо «кореляне» были заинтересованы в том, чтобы ослабить позиции «еми» на сопредельных территориях. Так или иначе, но удачное крещение большого соседнего народа-данника Новгорода было важным политическим успехом, особенно потому, что шведы активно обращали «емь» в католичество. Летописец отмечает, что к карелам была отправлена православная миссия. Вероятно, там были построены храмы, привезены богослужебные книги, иконы. Крещение приняло множество народа, но меньшая его часть осталась при старых религиозных обычаях. Это – свидетельство ненасильственного обращения русскими соседней-язычников в православие. Хотя отрицать политический характер этой миссии также нельзя. Политику великого князя Владимир-Суздальского Ярослава Всеволодовича продолжил его сын князь Александр Невский, что привело к еще более кровавым столкновениям православных и католиков в конце 40-х гг. XIII столетия, отражению латинской агрессии [Абрамов 2021b] и многовековому противостоянию двух христианских конфессий в Северо-Восточной Прибалтике и в Карелии.

Подобный политический курс оставлял мало возможностей для компромиссов с западнохристианским германо-романским миром, но был расчитан на широкомасштабные контакты; культурные, торговые отношения, совместные военно-оборонительные предприятия между коренными народами Восточной Европы и Балтии, в том числе, независимо от их религиозных убеждений

и этнической принадлежности. В этом контексте церковное единение в лоне православия выглядело не обязательным, но желательным фактором.

Правда, случалось и иначе. В том же 1227 г. в «Новегороде изожгоша волхвовъ четыре, творяхуть я потворы деюща, а Богъ вестъ; и съжгоша на Ярославле дворе». Пожалуй, это редчайший, если не единственный, случай расправы с языческими проповедниками в Новгороде, запечатленный в летописях. Вероятно, волхвов сожгли потому, что те смущали народ и подбивали его против христианства, т. е. волхвы призывали нарушить принцип веротерпимости, подрывали суверенные права и авторитет Церкви. Но, так или иначе, в землях Русского Северо-Востока и Северо-Запада, где почти половина населения в XIII в. еще была языческой или наполовину языческой, хорошо понимали: для того чтобы люди приняли Христа, нужны десятилетия и столетия проповедничества, подвижничества и самопожертвования. Крестить людей под угрозой смерти, с мечом в руке, укрывшись щитами, шеломами и доспехами – дело не угодное Богу. Да и православное духовенство напоминало, что Творец наделил человека правом выбора и свободной волей. Русское священство сознавало, что насильственное установление истины есть нарушение самой истины и Промысла Божьего о Человеке. Князья, боярство, дружинный слой Русского Северо-Востока в реальной жизни видели, что *удержать силой меча в христианстве* вместе с русскими: «корелу», «водь», «ижору», «весь», «мерю», «чудь заволочскую», «мурому», «мещеру», «булгар», «мордву» и многие другие малые народы Русской земли, а также их соседей в Чудской земле, Латгалии, Ливонии, Судавии, невозможно.

Заключение

Попытки подобного жесткого единения под знаком латинского Креста и папы римского в глазах русской элиты и духовенства Владимиро-Суздальской земли выглядели, по меньшей мере, опасной формальностью, а в реальной жизни – трагическим политическим просчетом. Прошло немногим более десяти лет после 1227 г., с тех пор как земли Ливонии, Латгалии и Чудской земли покорились Ордену и западному духовенству, и как вдруг вся Европа затрепетала от очередного прихода восточных завоевателей. В 1237–1242 гг. монголо-татарским нашествием перевернуло всю Восточную и Центральную Европу. Представим, что на пути монголо-татар, стремившихся дойти «до последнего моря», встали духовно разобщенные, с насильно крещеным народом, слабые русские

княжества, плохо укрепленные города, слабодушные ополчения, плохо организованные и не подготовленные к войне на истребление княжеские дружины. Что ожидало бы тогда народы Балтии и Центральной Европы? Политика объединения всех народов Восточной Европы для оказания отпора Золотой Орде, проводимая римским престолом уже с 1240-х гг., также явилась плохо просчитанной авантюрой. Многие русские князья убедились в том на примере неудачных политических интриг, предпринятых князьями Даниилом Галицким и Михаилом Черниговским, в отношениях с Римом и западными монархами. Большинству представителей правящей феодальной элиты Русского Северо-Запада и Северо-Востока середины – второй половины XIII в. стало ясно, что их западные соседи – Тевтонско-Ливонский Орден, Рижский и Дерптский епископы, Швеция, а в том числе и Польша даже Пскову и Новгороду в войне против Золотой Орды помощи не окажут. Расчет на поддержку латинского Запада являлся опасной утопией.

Литература

- Абрамов 2004 – *Абрамов Д.М.* Загадочный праздник российского студенчества // Вестник архивиста. 2004. № 6 (84). С. 187–200.
- Абрамов 2005 – *Абрамов Д.М.* К истории изучения житий святителя и епископа Мир Ликийских Николая // Вестник архивиста. 2005. № 5–6 (89–90). С. 476–495.
- Абрамов 2007 – *Абрамов Д.М.* Выставка в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: (900-летие паломничества в святую землю русского игумена Даниила) // Вестник архивиста. 2007. № 4 (100). С. 230–231.
- Абрамов 2010 – *Абрамов Д.М.* Крещение язычников Балтии в XIII веке: сквозь призму богословия и историографии // Этнодиалоги: Альманах. М.: Этносфера, 2010. № 3 (33). С. 229–237.
- Абрамов 2021а, – *Абрамов Д.М.* Западноевропейские и византийские источники эпохи Средневековья об отношениях между западными и восточными христианами и о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 году // История и архивы. 2021. № 2. С. 58–71.
- Абрамов 2021б – *Абрамов Д.М.* Князь Александр Невский: Становление полководца и дипломата // История и архивы. 2021. № 4. С. 13–23.
- Мугуревич 1965 – *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли X–XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями: Пути сообщения: [пер. с латыш.] / Акад. наук Латв. ССР. Ин-т истории. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- Цимбаев 2015 – *Цимбаев К.* «Великая Германия»: Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М., 2015. 259 с.

References

- Abramov, D.M. (2004), “The mysterious holiday of Russian students”, *Herald of an Archivist*, vol. 84, no. 6, pp. 187–200.
- Abramov, D.M. (2005), “On the history of the study in the lives of St. Nicholas, the Bishop of Myra of Lycia”, *Herald of an Archivist*, vol. 89–90, no. 5–6, pp. 476–495.
- Abramov, D.M. (2007), “Exhibition at the Andrey Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art (900th anniversary of the pilgrimage to the Holy land of the Russian abbot Daniel)”, *Herald of an Archivist*, vol. 100, no. 4, pp. 230–231.
- Abramov, D.M. (2010), “Baptizing the Baltic pagans in the 13th century through the prism of theology and historiography”, in *Etnodialogi: Al'manakh* [Etnodialogues: Almanac], Etnosfera, Moscow, Russia, vol. 33, no. 3, pp. 229–237.
- Abramov, D.M. (2021), “Western European and Byzantine sources of the Middle Ages about the relations between Western and Eastern Christians and the capture of Constantinople by the Crusaders in 1204”, *History and Archives*, no. 2, pp. 58–71.
- Abramov, D.M. (2021), “Prince Alexander Nevsky. Becoming a commander and a diplomat”, *History and Archives*, no. 4, pp. 13–23.
- Mugurevich, E. S. (1965), *Vostochnaya Latvija i sosednie zemli X–XIII vv.: Ekonomicheskie svyazi s Rus'ju i drugimi territorijami: Puti soobshcheniya* [Eastern Latvia and the neighboring lands of the 10th – 13th centuries. Economic relations with Russia and other territories. Communication pathways], Zinatne, Riga, USSR.
- Tsimbaev, K. (2015), «*Velikaya Germaniya*»: *Formirovanie nemetskoj natsional'noj idej nakanune Pervoi mirovoj voiny* [“Great Germany”. Formation of the German national idea on the eve of the First World War], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий М. Абрамов, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abramov_dmitriy@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-5744-6579

Information about the author

Dmitrii M. Abramov, Cand. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; abramov_dmitriy@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-5744-6579